

Военно-полевая хирургия

Мэйлин Юн

Когда Мэйлин на пике придилок одного знакомого дерматовенеролога думала заняться хирургической гинекологией, она явно думала плохо. С одной стороны, акушерство и гинекология ее никогда не привлекали. С другой, она благодарила небеса за то, что все же немного разузнала о работе в этой области, потому что сейчас эти знания ей оченьгодились. Хотя в основном они сейчас ограничивались определением срока беременности и всякими дисбактериозами. Ну, попало еще одно воспаление придатков. На этом ее обязанности, как практикующего кардиохирурга, кажется, заканчивались. Одно дело - оперировать огнестрельные и осколочные ранения по профилю в госпитале, пусть даже он и представляет собой барак посередине пустыни, и другое - это выполнять роль широкопрофильного врача где-то в горном ауле.

Выкинув очередные смотровые перчатки и уверив, что беременность протекает сообразно сроку, а также нет никаких угроз или патологий (пришлось внимательно посмотреть ауру, чтобы понять, все ли в порядке с плодом), Мэйлин твердо убедилась в мысли, что если и вздумает когда-нибудь заводить детей, то еще очень не скоро. А еще она испытала некоторое разочарование - уговаривая Полковника устроить выездной полевой госпиталь в отдаленных деревнях, она думала о благородстве этой миссии, о том, что донесет качественное медицинское обслуживание в труднодоступные районы, а на деле получилось, что самое страшное здесь - это старческие катаракты, некритические вопросы женского здоровья и полное отсутствие узкой направленности.

Главное было не давать волю всем этим размышлениям. Даже обычные профилактически осмотры несут неоспоримую пользу для здоровья любого человека, и она должна быть благодарна даже за такой опыт в своей работе. А пока на очереди была очередная пожилая женщина с жалобами на боль в груди.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не был уверен, где ему нравится меньше: в госпитале полковника или здесь, куда они выбрались практически на добровольных началах с высокой целью помочь местному населению. Там были хоть какие-то условия для работы, здесь - никаких. Еще он не мог общаться с местными без переводчика, который порой еще сильнее его путал, и работал совершенно не по своему профилю. Проблемы местных жителей были самыми разными, главная - недоверие к чужакам. Поэтому в основном сюда шли те, у кого все уже совсем плохо. Например, была одна меланوما, разросшаяся на треть спины. Все, что можно было сделать - договориться о транспортировке в город и взять обещание с пациента, что он туда поедет и будет слушаться врачей. Были трофические язвы, были разного рода ревматические проблемы, при этом Вэньхуа даже при своей специализации не мог точно определять диагнозы на глаз. В этой ситуации мало что можно было реально сделать. Максимум - понять, что пройдет само, а что не вылечить здесь, дать какие-то назначения (и они имеют смысл лишь тогда, когда сам можешь выдать необходимые препараты). Для Вэньхуа как для хирурга эта работа была крайне

неприятной. Это в японских сериалах можно попросить у спасателей дрель и провести краниотомию, в реальной жизни в палатке выездного госпиталя можно удалить вросший ноготь, вскрыть нагноившийся палец или очистить поверхностную рану после того, как её лечили местными примочками и снадобьями.

Оборудование позволяло максимум провести аппендэктомию, и то в случае, если проблемы с транспортом будут настолько серьезными, что риск развития перитонита до момента транспортировки будет выше рисков при проведении операции здесь.

В палатку привели следующего пациента. Это был аксакал, явно приближавшийся к вековому юбилею, если еще его не перешангвущий. Его поддерживали два довольно молодых парня, и Вэньхуа сразу обратил внимание на характерный разворот стопы и безжизненную левую руку. Седая борода скрывала часть лица, но асимметричная мимика все равно была заметна. Через переводчика удалось узнать, что все это началось еще две недели назад, поэтому у Вэньхуа была возможность без спешки обследовать пациента и дать рекомендации. Все, что инсульт мог разрушить, он уже разрушил, и никакие экстренные меры не требовались.

Мэйлин Юн

Пациентка наотрез отказалась раздеваться, чтобы Мэйлин могла пропальпировать вызывающее подозрение место, но вместо этого почему-то принялась задавать вопросы, замужем ли Мэйлин и сколько у нее детей. Все это ей на ломаный английский переводила женщина, которая выступала здесь как переводчица. Она была довольно словоохотливой и рассказала, что раньше жила в Кабуле вместе с мужем, а когда у мужа умер отец, оставив здесь дом и все хозяйство, они переехали в горы, чтобы ухаживать за больной матерью. Мэйлин поначалу с вежливым интересом слушала все, что ей расскажут, но довольно быстро поняла, что болтовня ее отвлекает от работы, ведь ей нужно было сосредоточиться на вещах, в которых у нее не было опыта, поэтому почти перестала вслушиваться в местные сплетни.

Мэйлин поначалу старалась отвечать вежливо, что у нее нет детей и она пока не планирует их заводить, а когда речь зашла уже о женском священном долге подарить мужу как минимум троих сыновей, и как можно быстрее, ведь Мэйлин "была уже немолода", Мэйлин окончательно потеряла терпение.

- Мне нужно осмотреть больное место, чтобы поставить правильный диагноз и назначить лечение. В противном случае я ничем не могу вам помочь, - жестко перебила Мэйлин пожилую женщину, что продолжала словоохотливо учить окружающих жизни. Это оказалась не то жена старосты деревни, не то его мать, и, видимо, по своему статусу считала возможным раздавать бесплатные советы всем, кто даже в них не нуждался. Переводчица, не ожидающая от Мэйлин такой наглости, даже замолчала.

- Давайте вы подумаете, на самом ли деле вы хотите, чтобы я вас осмотрела, а я подойду через пять минут, - и, не дожидаясь ответа, выскочила из дома на окраине деревни, который им выделили под импровизированный лазарет, на улицу, чтобы немного остыть и проветрить мозги.

Дин Вэньхуа

Было довольно сложно оценить нарушение речи, потому что старик говорил на языке, которого Вэньхуа не знал, и приходилось интуитивно сравнивать то, как говорили остальные горцы, с тем, как говорил пациент. Еще сложнее было оценить адекватность этой речи.

- Спросите у него, какое сегодня число и день недели, - сказал Вэньхуа переводчику.
- Третье ноября, среда, - сказал переводчик.
- Спросите у него, - терпеливо повторил Вэньхуа.

Переводчик попытался возразить, затем все же что-то спросил. Старец стал перебирать непослушные пальцы левой руки правой, затем что-то стал говорить.

- Он говорит, точно среда, ноябрь, но дату не может вспомнить, - сказал переводчик.
- Они не пользуются календарем, но по телевизору сегодня была передача, которую они смотрят по средам.
- Кто сейчас президент США? - спросил Вэньхуа.
- Буш? - уточнил у него переводчик.

- Забей, можешь не переводить, - вздохнул Вэньхуа. - Пусть дедушка больше отдыхает и следит за давлением. Если будет пытаться вставать и ходить, пусть обязательно его поддерживают, ему нельзя падать и нужно беречь голову.

Он дал еще несколько рекомендаций, понимая, что принципиальных изменений в состоянии ждать не приходится, но при хорошем уходе аксакал может прожить еще несколько лет.

После старца пациентов не было, и Вэньхуа решил выйти на улицу, чтобы подышать воздухом. Он захватил с собой пластиковую бутылку с водой. Он заметил вышедшую с женской половины Мэйлин. Девушка явно была раздражена.

- Пить хочешь? - сказал он, подходя ближе.

Мэйлин Юн

Нервно меряя шагами пространство перед домом, Мэйлин старалась психовать не так сильно. Ей казалось, что она уже давно не восприимчива к словам "тыждевичка" и "вари борщи, рожай детей", но оказалось, что только казалось. В госпитале никому не было дела до того, что ее первичные половые признаки разительно отличаются от мужских, потому что там она, в первую очередь, была кардиохирургом, а врач, как известно, существо бесполое. Но здесь нет, здесь самое важное - не то, чего ты добилась самостоятельно, а как рано ты вышла замуж и скольких детей успела родить. Вот это - показатель твоей успешности как женщины. Если ты вообще имеешь право называться женщиной, работая на "мужской" работе. Мэйлин пнула попавшийся под ноги камушек, который улетел в сторону вышедшего из дома Вэньхуа.

- Нет, - она сердито шмыгнула носом, но потом передумала и все же согласилась. Возможно, вода ее несколько отрезвит и успокоит. - Хотя давай.

Она сделала пару небольших глотков и вернула бутылку Вэньхуа. Стало легче, но ненамного.

Мэйлин одновременно и умирала от желания высказать все Вэньхуа и пожаловаться ему, но вместе с тем она примерно знала, что он ответит на все ее жалобы, и поэтому вторая ее часть требовала молчать и не перекладывать еще с больной головы на здоровую. А еще в голову начали закрадываться мерзкие мысли - а что если та женщина права. Вдруг Вэньхуа и правда хочет троих детей, но ему хватает такта не говорить об этом вслух, потому что он прекрасно знает, насколько Мэйлин не хочет троих детей.

Дин Вэньхуа

- Расскажешь? - спросил Вэньхуа, видя, что Мэйлин все еще злится.

Местные жители были довольно специфичными. С одной стороны, здесь были сильны религиозные традиции, женщины вообще жили в постоянном страхе и без каких-либо прав, мужчины считали себя выше, но были весьма ограничены в плане знаний и мировоззрения. И это - деревня, где все радикальнее и очевиднее, да еще и на фоне специфичного быта, который со стороны кажется полной неустроенностью. Вэньхуа сам был родом из деревни, что-то ему было проще понять, но разница в культурах все равно сказывалась. В Лунцзы женщине бы не запретили идти к врачу потому, что он - мужчина. В городе женщина не могла показаться перед Вэньхуа без хиджаба. В деревне она вообще не могла показать лицо, иначе её бы сочли опозоренной. И для деревенских девушек было спасением то, что в госпитале оказалась Мэйлин. Которая еще и вызвалась сама с этой затеей помогать местным людям, не имеющим доступа к нормальной медицине.

Подошел местный мальчишка, помогавший в импровизированной клинике. Он принес миску с виноградом, что-то сказал на своем языке, затем отошел, чтобы не мешать разговору. Вэньхуа старался не увлекаться местными фруктами, потому что не доверял воде, которой их мыли, но здесь, скорее всего, виноград просто сорвали с лозы, которая никогда не знала удобрений, и с мытьем не заморачивались.

Мэйлин Юн

Мэйлин словно только и ждала, что ее спросят, в чем дело, потому что практически сразу выпалила, если только мальчишка, принесший миску с виноградом, удалился на достаточное расстояние. Мэйлин не хотела говорить при нем, даже несмотря на то, что между собой с Вэньхуа они разговаривали на родном путунхуа, который здесь понимали примерно так же, как они с Вэньхуа понимали местный пушту. То есть никак.

- Я за сегодня выслушала столько упреков в том, что я не женщина, раз занимаюсь мужской работой и у меня нет детей, что у меня скоро, наверное, вырастет мужской половой член. Особенно что у меня нет детей. Как я могу так позорить святую женскую миссию рожать наследников мужу, обязательно троих мальчиков, ведь я

"уже немолода"! Ко мне сегодня приходила шестнадцатилетняя девочка, и она была беременна! Так даже она смотрела на меня так, словно я какая-то больная.

Мэйлин замолчала. Со стороны это все звучало сущим вздором, но насколько страшно было осознавать, что даже эта беременная шестнадцатилетняя девочка уверена, что нет никакой иной правильной жизни, кроме той, что есть у нее, где главное - это беспрекословно слушаться главу семьи и своего супруга и каждый год рожать по ребенку. Она даже не представляет, насколько большим может быть мир за пределами этой горной деревушки, насколько широкими могут быть ее возможности, не будь они ограничены мизогинией и сексизмом только из-за того, что ей не повезло родиться девочкой, а не мальчиком.

- Если ты хочешь троих детей - то лучше скажи мне сразу, - предупредила Мэйлин.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа внимательно выслушал все, что говорила Мэйлин. Он ожидал чего-то подобного, потому что местная культура была еще патриархальнее ханьской, но не думал, что местные женщины будут доставать Мэйлин так сильно.

- Мэй, я не хочу троих детей, тем более сейчас, - сказал Вэньхуа. - А им стоило бы понять, что, если бы ты не стала врачом, медицинскую помощь они бы не получили. Передо мной они даже лица не откроют, не говоря уже о том, чтобы дать их осмотреть.

Она и сама это знала, просто тяжело весь день слушать одно и то же, понимая абсурдность этих слов. Местные женщины с детства знали, что у них два варианта: выйти замуж или не выйти замуж. Второе было еще хуже первого, потому что они не смогли бы выжить самостоятельно, не имея образования и возможности зарабатывать. Некоторые местные жители всерьез рассуждали, что у женщин нет души, в отличие от мужчин.

- Если посадить рака в ведро, он вылезет. Если посадить несколько раков в ведро - не вылезет ни один. Они будут друг друга ловить, запрещая вылезать, - сказал Вэньхуа. - Они не могут вылезти из ведра, и им кажется немыслимым, что ты живешь иначе.

Мэйлин Юн

- Некоторые и передо мной не открывают, особенно те, что в возрасте, - заметила Мэйлин, имея в виду свою последнюю упрямую пациентку с болью в груди. Если женщины помоложе все-таки понимали необходимость осмотра не через ткань хиджаба, но старшее поколение было уверено, что врач - человек, априори обладающий рентгеновским зрением, и ему должно быть достаточно скудных описаний характера боли, чтобы поставить точный диагноз. Впрочем, Мэйлин подозревала, что они в принципе сомневаются в том, что она - действительно хороший врач, но об этом хотя бы не говорили вслух. Другого-то здесь не было.

Она примерно так и думала, что Вэньхуа скажет что-то подобное. Не про детей, а про медицинскую помощь и принципы жизни внутри маленькой деревни. Мэйлин всегда очень болезненно относилась ко всем сомнениям в том, что она достойна

быть врачом, тем более кардиохирургом, и Вэньхуа это знал. И знал, насколько Мэйлин сейчас важна ее карьера, а не мысли о том, как бы поскорее родить третьего ребенка, пока еще "не поздно".

- Только я почему-то не учу их жизни и не рассказываю о том, что где-то есть мир, где женщин не считают вторым сортом. Потому что за такие слова меня отправят на костер, - словом, в чужой монастырь со своим уставом не суются, а то могут закидать камнями. Конечно, на костер не отправят, но вот общественное порицание будет гарантировано.

И это еще Мэйлин была замужем. Она даже боялась представить себе, что бы ей высказывали в противном случае. Хотя она и не считала замужество критерием успешной и счастливой жизни. Если бы не эта командировка, все бы было по-другому.

- Мне надо вернуться и осмотреть последнюю пациентку, - сказала Мэйлин. - Если она, конечно, согласится на осмотр.

Дин Вэньхуа

- Потому что ты понимаешь, что им это рассказывать бесполезно? - спросил Вэньхуа.

Даже если эти женщины выслушают Мэйлин и согласятся, что можно жить иначе, они не получат возможности вырваться на свободу. И не приедем врачам пытаться устраивать революции в этом особом обществе, которое и так выживает среди войны.

Вэньхуа довольно долго работал в Хусин. Его пациентами были богатые уважаемые люди, а также жены, дочери и прочие родственницы сильных мира сего. Он не раз сталкивался с ЧМТ, которые со слов были получены при падении, но были больше похожи на следы домашнего насилия. В огромном современном Пекине, а не в богом забытой горной деревушке. И он прекрасно понимал, почему этим женщинам проще сказать, что они упали, а мужья у них чудесные, потому что многим из них почти некуда идти или совсем некуда идти. А так их лечили по страховке в Хусин. И он не считал себя вправе их в этом винить.

- Если не согласится - это не твои проблемы, - сказал Вэньхуа. - Но я надеюсь, что согласится.

Когда он еще учился в университете, на практике ему довелось увидеть довольно молодую пациентку с раком груди, которая дотянула до распада опухоли. Профессор тогда сказал, что такие случаи не единичны, просто кому-то страшно, а кому-то стыдно вовремя пойти к врачу. У Мэйлин были все шансы столкнуться здесь с чем-то подобным.

Мэйлин Юн

И это тоже. Мэйлин уныло кивнула. Почему-то все вокруг считают своим долгом указывать, как жить ей, но при этом сами крайне негативно относятся к тому, что начинаешь в свою очередь учить их. Мэйлин могла бы прочитать целую лекцию про

феминизм, равноправие и запрет насилия, легализацию аборт и прочую просветительскую чушь, но считала, что у нее слишком на это мало времени. Поэтому она молчит и лечит.

Она едва заметно коснулась руки Вэньхуа на прощание, прежде чем вошла обратно в дом на "женскую" его половину, где все так же недовольная пациентка сидела на жесткой кровати, выполняющей роль кушетки, а переводчица за ширмой, делящей комнату напополам, щебетала что-то на местном языке, ничуть не тяготясь довольно натянутой обстановкой. Ей точно не нужно было, чтобы ей отвечали.

- Что вы решили? - запасаясь терпением и вежливостью, кротко спросила Мэйлин, готовясь уже к любому ответу, как положительному, так и отрицательному. Хотя отрицательного она ждала больше. Как ни странно, пациентка все же согласилась на осмотр, пусть и с таким видом, будто делала величайшее одолжение. Мэйлин надела стерильные смотровые перчатки и приступила к осмотру, но скоро стало ясно, что деформация тканей молочной железы вызвана одиночной довольно крупной кистой.

- У вас киста вот в этой части груди. Это полость, заполненная жидкостью. Я могу сделать прокол тонкой иглой и шприцем откачать жидкость, если вы дадите согласие на процедуру. В противном случае киста будет расти, и может переродиться в злокачественное образование. То есть в рак, - формально это было не совсем правдой, так как только некоторые формы кист могли нести в себе подобную угрозу, но Мэйлин была стеснена в средствах диагностики, поэтому сочла возможным немного приукрасить действительность. Тем более что кисту такого большого размера все равно лучше было бы удалить.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа вернулся в дом. Он достал еще одну упаковку перчаток, потому что начатая подходила к концу, и проследил за тем, как помогавший ему санитар наводит порядок. От всего дома было ощущение тотальной антисанитарии. Пол просто застелили несколькими слоями полиэтилена, чтобы не разбираться, из чего он, и чем его можно отмыть. Со стен просто сняли коврики и прочее тряпье, мебель привезли с собой. Процедурная была отгорожена ширмами и полиэтиленовой занавесью, потому что даже банальный вросший ноготь может воспалиться еще сильнее, если не соблюдать правила асептики и антисептики. Правильнее было бы сделать в одной половине дома операционную для вскрытия нагноений, а в другой - для "чистых" манипуляций. Но местным жителям важнее, чтобы мальчики налево, девочки направо.

Следующим пациентом был мальчишка лет десяти, которого привела вся семья. В Китае тоже много любителей ходить к врачу толпами, но Вэньхуа казалось, что местные жители переплюнули его соотечественников. Мальчик только что облил ногу горячим чаем, и на коже уже появились волдыри. Ожог второй степени - больно, довольно долго заживает и может оставить рубец. Вэньхуа велел медбрату обработать рану спреем с пантенолом, дал ребенку обезболивающее и через переводчика передал родственникам мальчика рекомендации по дальнейшему лечению. Он выдал им заживляющую мазь из тех запасов, которые предоставлял помогавший в этой аванюре благотворительный фонд, и строго велел не

использовать никакие народные методы. Особенно не мазать рану жиром, кислым молоком, мочой и тому подобным.

Поток пациентов возобновился. Один острый живот, благо удалось договориться с транспортом, и пациента с наполненной льдом грелкой на животе, довольно быстро отправили в город, один гастрит, аксакал с сильными венозными язвами. Последний удивил Вэньхуа тем, как спокойно он переносил боль, которая должны была быть очень сильной. Он даже проверил сахар в крови, но никаких признаков диабета или связанной с ним нейропатии не обнаружил. Лишь на прямой вопрос о том, нужно ли обезболивающее, старец согласился, что оно не помешает.

Мэйлин Юн

Женщина долго сомневалась. Она попросила разрешения побеседовать с родными. Мэйлин поняла, что, скорее всего, ей нужно спросить разрешения на лечение у мужа, а не спрашивать совета родственников. Но кто она была такая, чтобы отказывать в такой малости. И точно, через десять минут после того как женщина ушла за советом, в женскую часть полевого госпиталя зашел немолодой уже старик весьма авторитетного (или все же авторитарного?) вида. Он также не говорил по-английски, но в его присутствии молодая переводчица мгновенно стала собранней и ответственной. Мэйлин пришлось подробно, но подбирая простые слова, еще раз объяснить все старосте деревни и постараться как можно мягче настоять на необходимости операции, рассказав о всех рисках.

Ее познания во врачевании позволяли ей не использовать аппарат-УЗИ (которого здесь и так не было), хотя в условиях нормальной клиники она, конечно же, никогда бы не побрезговала использовать все доступные ей методы диагностики заболевания для более полной картины, а еще ей требовались шприц, антисептик и умелые руки, чтобы провести эту малоинвазивную и довольно несложную процедуру. Не удастся отправить экссудат на анализ, это было не очень хорошо, но это и так был максимум, что можно было сделать в данных условиях. Все дело было только в согласии пациентов.

Решали долго и эмоционально, но в итоге старец велел делать, и женщина не могла не послушаться. Это был единственный случай, когда Мэйлин действительно оценила преимущества строгого и абсолютного патриархата. У нее уже было все готово для проведения операции, она попросила главу деревни подождать снаружи и заверила, что это не займет много времени. Содержимое кисты в шприце было чистым и светлым, без видимых прожилок крови, и это было хорошим знаком. Уже через двадцать минут женщина получила все необходимые рекомендации и отправилась домой, а Мэйлин в очередной раз сменила перчатки.

Дин Вэньхуа

После короткого перерыва, во время которого Вэньхуа успел выпить чашку горячего кофе и съесть сандвич, к лазарету подошла группа парней. Они привели своего друга с огнестрельной раной плеча. Кровопотеря была довольно сильной, хотя место ранения внушало некоторые надежды. Раненый оставался в сознании, пока Вэньхуа дал медбрату распоряжение, чтобы тот колот обезболивающее и антибиотик и начал обрабатывать рану.

Огнестрельные ранения всегда очень плохо заживают. Они воспаляются, помимо первичной травмы всегда есть вторичное поражение тканей, даже в том случае, когда, как здесь, пуля прошла навылет, рана сильно загрязнена. Нужно было остановить кровотечение, стабилизировать состояние раненого и договариваться о транспортировке. Сопровождающие твердили, что заберут друга с собой, и не отпустят в больницу. Это резко уменьшало шансы раненого, потому что без медицинской помощи, без стерильной операционной, нормальных антибиотиков и регулярных перевязок, были риски заработать заражение крови. А тогда - все.

- Если вы хотите, чтобы он выжил, он должен лечиться в больнице, - сказал Вэньхуа, когда уже накладывал повязку.

- Они говорят, в больнице его убьют, - сказал переводчик.

- Я не решаю эти вопросы, но ему нужна профессиональная помощь в течение нескольких дней, - упрямо повторил Вэньхуа. - От их слов, что его убьют, я не смогу сделать что-то такое, что позволит отпустить пациента домой без риска заражения крови.

Мэйлин Юн

Переводчица сообщила, что больше никого не осталось - сейчас будет время намаза, а затем обеда, значит, почти все женщины, кроме тех, которые помогают мужьям на рынке, будут заняты домашними делами вместо того, чтобы ходить по врачам. Это было как нельзя кстати, потому что Мэйлин уже давно забыла, когда был завтрак, а от горного воздуха, непривычного для нее, у нее разыгрался аппетит. Вэньхуа был занят очередным пациентом, снаружи ожидала толпа сочувствующих и поддерживающих молодых мужчин, которые с интересом глазели на вышедшую на улицу Мэйлин. Она ощутила себя неуютно (настолько, что пожалела, что у нее нет пресловутой чадры) и, вместо того, чтобы топтаться на улице, пошла на деревенский рынок. Он был небольшим и в основном там торговали местные, живя по старым обычаям натурального хозяйства, но Мэйлин не упускала случая узнать что-нибудь еще о местной культуре, ведь в госпитале это не представлялось возможным.

В итоге она все же купила простенький недорогой платок, который здесь называли шейла, чтобы прикрыть волосы и не так сильно выделяться из толпы непокрытой головой. Маленькая дочка хозяина платков помогла ей его правильно повязать, пусть объясняться пришлось скорее жестами и вопросительными улыбками. Так на нее хотя бы палились немного меньше.

Она даже попробовала одну печеньку, которую называли Гош Фил, на вкус она была похожа на обычное песочное печенье с орехами, решительно отказалась от предложенной ей баранины (или что там это было?) и задумалась, что бы захотел на обед Вэньхуа. Ей все местные блюда были незнакомы и огромного труда стоило найти просто обычного риса. Может, если она просто купит свежих овощей и риса, этого будет достаточно? И вон тех смешных пирожков. Ну или чего-то, что так похоже на пирожки.
